

8. Критики и читатели. - Болезнь и смерть. - Прочность славы Некрасова

Поэт не ошибался в своем предсмертном провидении. Если отыскивались и, быть может, не раз еще отыщутся отдельные судьи, несправедливые и немилостивые, то в общем "живой, кровный союз" меж ним и всеми "честными сердцами" установился прочно, и, нужно думать, с годами он будет лишь расти и крепнуть. Но Некрасову пришлось вести долгую и тяжелую борьбу для того, чтобы завоевать общее признание.

"Если бы дать больше места выдержкам из отзывов критики, то каждый наглядно убедился бы, как долго и упорно печать наша не признавала всей силы поэтического значения Некрасова и как публика сама поняла и полюбила поэта. Некрасов занял сам с бою, без союзников, свое настоящее положение в русской литературе", - так писал в 1879 году С. И. Пономарев в послесловии к первому посмертному изданию стихотворений поэта, которое он редактировал. В самом деле, просматривая три части изданного г-ном Зелинским "Сборника критических статей о Некрасове" (доведенного лишь до 1877 года), мы видим, что в течение почти всех сороковых годов критика наша хранила о поэте глубокое безмолвие, а за следующее десятилетие появилось всего лишь несколько незначительных отзывов, в одном из которых Эраст Благодеров писал: "Трудно найти стихотворца, который был бы меньше поэт, чем Некрасов". Автор другого отзыва, Аполлон Григорьев, заявлял (уже в 1855 году), что не находит поэзии в доселе напечатанных стихах Некрасова, за исключением лишь стихотворения к падшей женщине ("Когда из мрака заблужденья...").

Вышедшее в 1856 году первое издание стихотворений Некрасова было раскуплено публикой с изумительной быстротой, но в печати не вызвало ни одной статьи, ни одной самой коротенькой рецензии!

Объясняется это, конечно, тем, что "Современник", отражавший взгляды и настроения молодой России, в сердце которой стихи Некрасова нашли такой сочувственный отклик, издавался самим поэтом, и на страницах этого журнала похвала Некрасову не могла найти себе места. Один только раз Добролюбов (и то не называя имени Некрасова, хотя имея в виду, очевидно, его) высказал мнение, что Пушкин, Лермонтов и Кольцов уже нашли себе достойного продолжателя... Что касается остальных органов печати, то они находились в руках людей поколения отживающего, понимавшего поэзию прежде всего как служение "красоте". Само собой разумеется, что в таких критиках поэзия Некрасова в лучшем случае вызывала недоумение...

Только в начале шестидесятых годов, когда широкий поток новых общественных идей проник во все уголки обновленной России, повлияв прежде всего на печать, последняя сразу заговорила о Некрасове как о признанном уже "владельце сердец" молодого поколения. В это время, как бы поддавшись общему энтузиазму, переменили о нем к лучшему мнение и наиболее искренние представители поколения старшего, вроде Аполлона Григорьева, который с восторгом отзывался теперь о "народном сердце" Некрасова и о "почвенности" его поэзии.

Но вот схлынула живая волна... "Призванная к порядку", русская жизнь опять начала замирать и принимать "благообразный" вид. Свежие, молодые голоса замолкли, и это опять не замедлило сказаться на отношении критики к Некрасову. К тому же, как мы видели, последний сам не устоял в этот тяжелый период на прежней высоте и, поскользнувшись, дал новую пищу злорадству врагов; клевета "снежным комом покатила по Руси, по родной"... Наиболее тяжелым и мучительным для Некрасова был 1869 год. Господа Антонович и Жуковский, недавние друзья, поддавшись чувству мелкого, самолюбивого озлобления, выпустили против Некрасова целую обличительную брошюру, "Материалы для характеристики современной русской литературы", где, развенчивая Некрасова как журналиста и человека, пытались подкопаться и под его поэзию. "Вам так же легко перестроить вашу лиру на совершенно новый лад, - развязно обращался г-н Антонович к Некрасову, - как вашему другу (?) г-ну Краевскому легко променять прежний образ мыслей на новый; вы с одинаковым увлечением и искусством можете и восхвалять, и порицать один и тот же предмет, вам ничего не стоит метать громы гражданского негодования в какого-нибудь вельможу, швейцар которого отогнал от его подъезда "деревенских русских людей", а завтра рабски льстить ему и прославлять его доблести восторженным мадригалом; вам нужна только тема, какова бы она ни была, а вы уж

обработаете ее поэтически..." Словом, отрицалась в поэте всякая искренность, всякое убеждение. [Только в феврале 1903 года г-н Антонович счел наконец нужным и возможным покаяться (в "Журнале для всех"). "Я откровенно сознаюсь, - пишет он, - что мы ошиблись относительно Некрасова. Вопреки нашим опасениям, он снова пошел твердым и бодрым шагом по своему прежнему пути... Он не изменил себе и своему делу, но продолжал вести его горячо, энергично и успешно, - за что ему честь, слава и вечная память в летописях русской литературы!" - "Общим итогом и характером своей поэтической деятельности Некрасов вполне искупил свои недостатки. Его огромные заслуги во много крат превышают и покрывают его однократное отречение; всею своею деятельностью он заслужил полное всепрощение". Признания довольно-таки запоздалые, но... лучше поздно, чем никогда. Отметим, кстати, странное понимание г-ном Антоновичем (в той же статье) чисто поэтических заслуг Некрасова: "Против поэзии Некрасова раздавались и раздаются только голоса тех, которые судят о ней исключительно с эстетической точки зрения или даже не с общеэстетической, а с узкоэстетической, исключительно лирической точки зрения и которые воображают, не только вопреки литературе всех веков и народов, но и вопреки риторике и пиитике, будто вся поэзия состоит только в лирике. Некрасов не лирик (?); следовательно, он не поэт". Оказывается при этом, что г-н Антонович главным призванием лирики считает воспевание красоты, неземных сфер и заоблачных высей; сюжеты ее песен должны, по его мнению, непременно быть светлы и жизнерадостны... Удивительное понимание лирики!]

Нечего и говорить, что, несмотря на искусную и сильную отповедь И. А. Рождественского, в том же году выпустившего - без ведома Некрасова - ответную брошюру "Литературное падение гг. Антоновича и Жуковского", во враждебном Некрасову литературном лагере нападки на него встретили самый радостный прием. Страхов писал в "Заре": "Наиболее значительная часть нашей печати (либеральная) живет одною фальшью, сознательно и постоянно кривит душою. Не раздается ни одного искреннего, прямого голоса; все лукавит, иезуитствует, прислуживается (!), все покорно гнет перед чем-нибудь или перед кем-нибудь свою совесть и свои помыслы... Книжка гг. Антоновича и Жуковского представляет, очевидно, реакцию. Лжи накопилось столько, что наконец сознание ее начинает прорываться наружу... Обличение Некрасова важно для тех, кто видел в нем некоторое светило либерализма; но многие, и давно уже, смотрели иначе. Самые стихи Некрасова, в которых так много говорится о народных страданиях, давно уже, несмотря на их несомненные замечательные достоинства, признаны (?) не выражающими полного сочувствия народу, не проникнутыми его действительным пониманием. Это - сатиры, карикатуры, излияния хандры и желчи и лишь изредка правдивые и неискаженные картины" (в качестве примера того, "как мало сходится Некрасов с народом в своих сочувствиях и воззрениях", Страхов указывал на пожелание поэта, чтобы русский народ понес с базара Белинского и Гоголя!).

В том же 1869 году выступил со своими "разоблачениями" Тургенев, опубликовавший в "Вестнике Европы" известные письма Белинского... А вслед за тем тот же Тургенев, раздраженный недостаточно почтительным, по его мнению, отзывом "Отечественных записок" о поэзии Полонского, выступил в "Санкт-Петербургских ведомостях" с открытым письмом, в котором говорилось: "Я убежден, что любители русской словесности будут перечитывать лучшие стихи Полонского, когда самое имя Некрасова покроется забвением. Почему же это? А просто потому, что в деле поэзии живуча только одна поэзия и что в белыми нитками сшитых, всякими пряностями приправленных, мучительно высиженных измышлениях "скорбной" музыки г-на Некрасова ее-то, поэзии-то, и нет на грош".

И такие отзывы, к стыду русской литературы, нигде не вызвали в свое время резкого, негодующего отпора, - опять-таки, быть может, потому, что все наиболее свежие литературные силы группировались вокруг "Отечественных записок", во главе которых стоял сам Некрасов. Даже в середине семидесятых годов не в редкость было встретить на страницах журналов нелепое мнение, будто Некрасов приобрел себе значение в родной литературе "только оригинальными, новыми мотивами, а отнюдь не силой и глубиной содержания"; или даже - будто "поэзия Некрасова вырабатывалась в либеральных редакциях, служила постоянно как бы иллюстрацией направлений, попеременно господствовавших в известной части журналистики". О поэме "Кому на Руси жить хорошо" один критик писал (и тоже нигде не

встретил отпора): "Поэма эта принадлежит к таким, о которых гораздо приятнее было бы хранить молчание".

Между тем бурная жизненная карьера нашего поэта приближалась к окончанию. Мы говорим - бурная, но должны с прискорбием констатировать, что о второй половине жизни и деятельности Некрасова биографы его знают, в сущности, не многим больше, чем о первой (о годах ранней молодости). Они знают, главным образом, историю журналов, которые издавал Некрасов, общественную сторону жизни и деятельности поэта в зрелую пору, но почти не имеют представления о личной и тем более интимной его жизни. Единственным ключом к последней являются его собственные лирические признания, слишком мало удовлетворяющие наше любопытство. Они дают, впрочем, достаточно оснований утверждать, что, и достигнув в конце жизни условий материальной обеспеченности, Некрасов не приобщился к сонму тех "счастливых", которых с таким упорством отыскивали на Руси его знаменитые "странники". Известно, например, что семьей он до конца дней не обзавелся и только на смертном одре сочетался законными узами с той женщиной, которую считал своей женой; с каких, однако, пор и какие именно отношения были у него с этой женщиной, каков был ее нравственный облик и даже как ее звали (в предсмертных стихах он воспевал ее под именем Зины) - все это вопросы, на которые у нас пока нет ответа...

Улыбнулась ему слава знаменитого писателя, но и к славе, как мы видели, было подмешано много горькой отравы; колючие терновые иглы, вплетенные в лавры блестящего венка, слишком больно давали о себе знать, - и, быть может, только перед самой смертью, в горячих изъявлениях любви со стороны молодежи, Некрасов узнал наконец подлинную беспримесную сладость широкой популярности.

Не дала ему судьба и крепких физических сил, рано надломленных лишениями и борьбой всякого рода. Еще в середине пятидесятих годов у него открылась какая-то серьезная горловая болезнь, вызывавшая опасения чахотки; сам Некрасов уже считал себя приговоренным к смерти... Но поездка в Италию и в Африку остановила болезненный процесс (хотя голос после того навсегда остался глухим и хриплым). С начала семидесятых годов появились тяжелые желудочные боли (рак), которые в конце концов и свели поэта в безвременную могилу. Ни новая поездка на юг (в Крым), ни операция, сделанная знаменитым Бильротом, - ничто уже не могло принести спасения, и на пятьдесят шестом году жизни, в полном расцвете таланта, 27 декабря 1877 года Николай Алексеевич Некрасов скончался. Похороны его были чуть ли не первым на Руси громким и торжественным проявлением общественных симпатий к любимому писателю, - гроб его, несмотря на суровый морозный день, провожала еще невиданная в таких случаях в Петербурге толпа народа в четыре-пять тысяч человек.

Слухи о тяжелой болезни поэта и последовавшая затем смерть его вызвали настоящий взрыв непритворной скорби в обществе и особенно среди молодежи, - тотчас же смолкли и все враждебные голоса в печати; со страниц газет и журналов в течение целого года не сходили сочувственные некрологические статьи и разборы стихотворений Некрасова; вышли и отдельные сборники, посвященные памяти поэта... Но уже в 1878 году на страницах либерально-буржуазного "Голоса" возобновлено было в самой резкой форме нападение: появились, в пяти огромных фельетонах, нашумевшие в свое время "Критические беседы" Евгения Маркова... Эти широковещательные беседы, якобы беспристрастно отмечавшие недостатки и достоинства некрасовской поэзии, а в сущности стремившиеся доказать ее ничтожность и эфемерность, имели большой успех в тех общественных и литературных кругах, которые и до того с плохо скрываемой неприязнью относились к необычайной популярности Некрасова. Марков задал тон и собрал материал, можно сказать, для всей последующей отрицательной критики, и отзвуки его "Бесед" явственно слышались даже двадцать лет спустя, в двадцатилетнюю годовщину смерти поэта. Мы думаем, не мешает поэтому (особенно ввиду того, что "Голос" представляет теперь библиографическую редкость) изложить с некоторой подробностью критику Евгения Маркова.

Некрасов, утверждает критик "Голоса", - поэт предшествовавшей освобождению крестьян эпохи. Проникнутый сознанием коренного общественного зла, он видит роковое безобразие даже в сферах жизни, по-видимому, не имеющих связи с крепостным бытом. У читателя получается впечатление какого-то предвзятого намерения не останавливаться ни на

каких других явлениях мира, кроме излюбленных (?) автором. Преувеличение, неестественность, надутость, сентиментальность и риторика - роковые последствия такой односторонности... Этим поэт вызывает и несочувствие читателя к той самой среде, которая выставляется жертвою безобразия... Защищая русский народ против Некрасова, Марков в качестве примера приводит стихотворение "Родина", где будто бы чудовищно неверно утверждение, что русские крепостные "завидовали житью последних барских псов"... "Кто, например, узнает, - патетически восклицает критик, - ту охоту, которая обыкновенно наполняла радостью удали не только охотника-барина, но и псарей его, и лошадей, и собак (какова собачья идиллия! - Авт.), в неверной и мрачной картине "Псовой охоты" Некрасова?" Лирика Некрасова - вообще патологическая лирика; песни "О погоде", например, - не столько поэзия, сколько "воркотня досужего капризника"... Изображения народного быта, народной души и даже народная речь в его стихах полны фальши, неискренности и тенденциозности. Многочисленные примеры, приводимые Евгением Марковым, мы опустим; упомянем лишь об одном, которым критики Некрасова пользуются охотно и доныне. В стихотворении "Тишина", говоря об окончании Крымской войны, поэт прибегает к такому образу: "Прибитая к земле слезами рекрутских жен и матерей, пыль не стоит уже столбами над бедной родиной моей". Г-н Андреевский, следуя примеру Маркова, подсмеивался: "Этот невообразимый дождь, освеживший большую дорогу, совершенно нестерпим" ("Литературные чтения", 1891). Между тем прекрасная и сильная, на наш взгляд, метафора Некрасова становится вполне понятной, если взять ее в связи со следующими стихами из той же "Тишины":

... Над Русью безмятежной
Восстал немолчный скрип тележный,
Печальный, как народный стон;
Русь поднялась со всех сторон,
Все, что имела, отдавала
И на защиту высылала
Со всех проселочных путей
Своих покорных сыновей...

Как известно, из этих "покорных сыновей" лишь "немногие вернулись с поля", и поэт имел полное основание сравнить с потоками дождя слезы, пролитые рекрутскими женами и матерями... Казалось бы, над чем тут зубоскалить?..

Некрасову по плечу, продолжает Марков, только сказочное геройство, баснословный идиотизм, голубиное смирение, кровожадность тигра. Он не постигает средних типов. *[Некрасов изображается здесь как ультраромантик. Но вся поэзия его, глубоко реальная и правдивая, служит красноречивым опровержением такого мнения. Упомянем лишь об одной стороне некрасовской поэзии, которой до сих пор нам не пришлось коснуться. Это - любовная лирика. У поэтов предшествовавших, не исключая Пушкина и Лермонтова, любовь изображается всегда в праздничные ее моменты, являясь как бы принаряженной и приподнятой; Некрасов перенес любовь с неба на землю, в обстановку будничных, реальных человеческих отношений; он рисует чувства людей именно среднего, а не героического типа.]* Искренним мыслителем-поэтом и беспристрастным наблюдателем-художником он бывает только один час из десяти натянутого и надуманного сочинительства. Причина всего этого - жизнь в кружках, которые действовали не путем поэтического и художественного воспитания общества, а методом логического убеждения, отталкиваясь от научных знаний, практических интересов... Под влиянием кружков Некрасов поднял знамя тенденциозной поэзии, но, как все выдуманное, насильственное, как всякий ублюдок, она осуждена остаться без потомства: "Лишенная одушевляющего огня и искренности, как может она холодными процедурами своего творчества зажечь божественную искру в новом организме?.."

Некрасов, по мнению Маркова, до того тенденциозен, до того свылся с необходимостью громить крепостное право, что чуть ли не готов отрицать самый факт освобождения (игривая мысль, которую охотно повторяли потом господа Андреевские, Платоны Красновы и им подобные). Некрасов был поэтом исключительно отрицания, отрицание же есть только преходящий момент. В творчестве поэта были скудны элементы любви (!)... "Побольше любви!" - в заключение укоризненно наставляет Марков Некрасова, а кстати уж и "родственного ему" Щедрина, умевшего только "отрицать" и совсем не умевшего любить...

Тому, кто знает Некрасова и Щедрина, конечно, нечего разьяснять, как много самодовольной узости и приторной фальши скрывалось в этих "либеральных" назиданиях!

За последние двадцать лет в критике появилось мало нового и интересного о некрасовской поэзии. Следует отметить разве упомянутую уже статью г-на Андреевского, в которой, быть может, много злого остроумия и красивых софизмов, но конечный вывод которой таков: "Вклад Некрасова в вечную сокровищницу поэзии гораздо меньше его славы, его имени".

С середины восьмидесятых годов, когда литература заметно охладела к мужику, к народу, имя Некрасова все реже и реже стало мелькать на страницах журналов. Выплыли на сцену вопросы личного совершенствования, личной морали; шумно прокатилась мишурная волна "эстетического идеализма" и доморощенного декадентства... Увлечение марксизмом обещало, казалось, значительное отрезвление: возврат искусства к реализму, к социальным интересам, хотя и с перенесением центра внимания с мужика на городского пролетария; но тут случилось нечто странное и неожиданное: марксизм в собственном, беспримесном его виде почти нисколько не отразился на нашей художественной литературе и на художественной критике... Заявляли о себе и шумели одни только марксисты "не настоящие", марксисты-индивидуалисты, марксисты-ницшеанцы, марксисты-символисты... Эти господа, понятно, не могли любить Некрасова с его простой, бесхитростной поэзией, чуждой всяких современных кривляний и вычур!

К счастью, движение вперед, в сторону все большей демократизации литературы и искусства, продолжается безостановочно и непрерывно, и видимые зигзаги и отступления в нашем общественном развитии не имеют в последнем счете особенного значения. Литература у нас не впервые отстает от жизни, и судить о вкусах и настроении наиболее бодрых и жизнеспособных кругов общества по мнениям господ Андреевских, Мережковских, Бердяевых *e tutti quanti* [*и им подобных (ит.)*] было бы совершенно неосновательно. Некрасов ни в каком случае не может быть назван забытым и отжившим свое время поэтом. Сборники стихотворений его, довольно дорогие по цене, раскупаются с прежней, если не большей быстротой. Но если бы даже среди "верхов" нашей много всяких видов издавшей интеллигенции и действительно можно было подметить некоторое охлаждение к "музе мести и печали", то жизнь с каждым днем все заметнее выдвигает вперед нового, свежего читателя, могучего как своею численностью, так и всепобеждающей верой в торжество света и правды. Не сегодня-завтра этот новый читатель заполнит всю жизненную сцену, и никакого сомнения не может быть в том, что для Некрасова он явится "читателем-другом".

Как ночные призраки, разлетятся тогда и растают туманом все современные "символизмы", поиски "новой красоты" и "новых настроений". Жажда правды - вот настроение, которое одно имеет под собой твердую почву. Светлое и широкое будущее предстоит поэтому "музе мести и печали", не устававшей твердить:

Пускай нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая - страдания народа
И что поэзия забыть ее должна, -
Не верьте, юноши: не стареет она!